

Алиева К.

Бакинский Государственный Университет

МОРФОСИНТАКСИС ЧАСТИЦ

У статті проаналізовано, що частки використовуються як з окремими словами, і з членами речення і виконують різні функції. Насамперед, вони відіграють важливу роль в уточненні смислового навантаження речення. Оцінюючи адати, насамперед, працюють із прикметниками, формуючи ступінь синтаксичної репродукції. Однак необхідно розрізняти ту саму морфему –са, –сə, яка утворює ступінь, від тієї, що утворюється прислівник. Неможливо створити новий прислівник, додавши цей суфікс до прислівника способу дії, що є лексичною одиницею. При цьому формується ступінь самого прислівника: *уваґса, еһталса* (потихеньку, обережно та ін.). У деяких роботах стверджується, що адат –ті4 створює питання форми дієслова, що не може бути обґрунтовано, тому що в одному слові не може бути двох форм певної ознаки. З іншого боку, ця морфема, що виконує різні синтаксичні функції, може бути пов'язана не тільки з дієсловом, але й іншими частинами мови. Нареши́ті, ця морфема служить ще й засобом з'єднання компонентів складнопідрядного речення. Слід зазначити, що сполучна функція адатів дуже широка. У цьому деякі лінгвісти навіть кажуть, деякі зв'язувальні форми взагалі обумовлені адатом. У цьому рядку можна особливо виділити адати “*da, də, belə*”.

Однією з основних особливостей адатів у реченні є їхня синонімія, при цьому вони мають різні нюанси. Зокрема роль складних адатів “*təksə, birsə, qoysana, gəlsənə*” у реченні до кінця не виявлена. Хоча між адатами *tək* і *təksə*, *bir* і *birsə*, *qoy* і *qoysana*, *gəl* і *gəlsənə* існує синонімічне співвідношення, між ними не можна поставити ознаки повної тотожності; вони утворюють різні відтінки залежно від свого розташування.

Ключові слова: допоміжні частини мови, морфосинтаксис, азербайджанська мова, частка (адат), особливості вживання адату.

Введение. Языковые единицы тесно связаны между собой, образуя языковую систему. Нет единицы, которая не обладала бы языковой функциональностью: звуки не могут сочетаться произвольно, существует значимая закономерность их соединения в слова. Для соединения слов в слова и предложения необходима иная система связей. В этом случае семантические и смысловые связи выступают как единое целое, их нельзя изолировать друг от друга.

Связь между морфологией и синтаксисом достаточно тесная, как между любыми другими областями языка. В связи с этим следует подчеркнуть роль адатов (частиц). Адат не имеет самостоятельного лексического значения, а служит для закрепления значения отдельных слов в предложении или всего предложения в целом. Однако следует отметить, что в некоторых адатах современного азербайджанского языка лексическое значение можно увидеть в сочетании с той или иной формой, привязанность к глаголу особенно четко просматривается в повелительных адатах. Среди других видов адатов также можно их встретить, к примеру, таковые есть и среди ограничительных адатов.

Особенности подходов к проблеме. Говоря об исторических особенностях развития вспомогательных частей речи, А. Шукуров отмечает, что «если гошма (предлоги) возникли непосредственно в связи с грамматическим строем нашего языка, то адаты (частицы) образовались непосредственно в связи с семантикой нашего языка, для определения его специфики» [12, с. 104]. Конечно, эта особенность адата раскрывает свою специфику при употреблении его внутри предложения. Следует отметить, что этот падеж, который наблюдается во вспомогательных частях речи, в языкознании часто представляется как выражение общеграмматического значения. Е.Р. Курилович показывает, что общий смысл здесь абстрактен [8, с. 78]. Б.А. Звегинцев под общим значением понимает совокупность частных значений в обычном смысле, что, в конечном счете, создает абстракцию [15, с. 217].

Цель исследования. Сегодня невозможно представить наш язык без адата. Иногда отмечают, что если из предложения убрать адат, существенной разницы в содержании предложения не будет, только снизится эмоциональная нагрузка,

сила воздействия. Вместе с тем мы не можем согласиться с этим мнением. Прежде всего, любая языковая единица, в том числе вспомогательные части речи, не имеющие самостоятельного лексического значения, так или иначе играют роль в выражении мысли. Когда мы говорим, что суффиксы придают значение тому слову, к которому они прибавляются, следует отметить, что в этом случае идея, выражаемая предложением, может иметь принципиально иное содержание. Рассмотрим спорные стороны указанной проблемы на примере азербайджанского языка.

Семантико-грамматическая роль адатов. Связки не только выполняют функцию замыкания слов или предложений, но и усиливают в них соответствующие содержательные связи, а во многих случаях даже принимают активное участие в образовании определенных конструкций. Модальные слова не только определяют отношение к предложению, но и уточняют мысль, конкретизируют содержание. С этой точки зрения адаты также имеют особую семантико-грамматическую роль. В.Виноградов показывает, что «... семантический объем частиц весьма широк. Они не выполняют синтаксической функции, но находятся в подчинении (зависимости) от синтаксической потребности» [14, с. 520].

Адаты, прежде всего, играют важную роль в уточнении смысловой нагрузки предложения. Усиливающие адаты обычно работают с прилагательными, формируя степень синтаксической репродукции. В этом смысле можно особо упомянуть адаты «*ən, lap, daha, olduqca*»: *ən (lap, daha, olduqca) qırmızı* (самый (более, наиболее, совсем) красный). Известно, что нет единого мнения о том, являются ли степени прилагательных новыми словами, однако следует отметить, что вспомогательные части речи, в том числе и прилагательные, являются единицами грамматического значения, не образующими лексической единицы. Образование степени прилагательных происходит не на лексическом, а на синтаксическом уровне, т. е. при употреблении с соответствующим существительным.

Морфема *-ca, -cə* упоминается как морфологически образованная форма степени умножения прилагательного. Эта морфема дана и в линии усилительных адатов, сформировавшихся в нашем языкознании; следовательно, роль адата здесь также является ключевой. Известно, что признак степени принадлежит прилагательному, но упомянутые адаты могут быть переработаны и с наречием для создания содержания степени:

daha (olduqca, lap) yaxşı oxumaq читать более (еще лучше, совсем) хорошо. То же самое можно сказать и о морфемах *-ca, -cə*; так что эту морфему можно добавить и к наречию образа действия: *yaxşıca, ehmalca* (как следует, бережно), и т. д.

В нашем языкознании отношение к этой форме также неоднозначное. Во многих работах указывается, что эта морфема является наречным суффиксом, и приводятся соответствующие примеры, но в этих работах одни и те же слова представлены в виде разных единиц. М. Гусейнзаде пишет об одном из способов образования производных наречий: «это простые, иногда производные прилагательные или образованные путем прибавления к окончанию наречий адатов с суффиксами *-ca, -cə*. Образцы интересные: медленно, тихо, тайком. По-легкому, по-простому, тайком, легко, очень резко, скрытно, удобно, безмолвно (*yavaşca, sakitcə, gizlicə. Yüngülcə, sadəcə, yamanca, xəfifcə, rahatca, səssizcə*) [4, с. 203].

Примеры и использование этих примеров в предложениях показывают, что действительно эта морфема усиливает смысл. Кроме того, отказ от этой морфемы в наречии в предложении часто делает его нелогичным: Абиль тайком перевел дыхание; Дверь дома тихонечко открылась (*Əbil gizlicə köksünü ötürdü; Evin qapısı yavaşca açıldı*) и так далее. Это показывает, что неправильно называть эту морфему адатом, здесь она выступает как морфема, создающая новую лексическую единицу. Говоря об этой форме, Г.Казымов пишет: «Есть небольшая разница в значении между корнем слова и суффиксной формой *-ca, -cə*. Наречная форма сильнее, чем корень слова, *-ca, -ja*. Корнями обоих слов являются прилагательные. В то время как корни слов могут выступать как в роли прилагательных, так и в качестве наречий, наречия в суффиксах *-ca, -cə* достаточно сильны, и такие слова часто выступают в роли наречий. По-видимому, этот суффикс развивается как средство постепенного ослабления прилагательных» [6, с. 319].

Однако не каждое приведенное здесь слово можно отнести к этому ряду. Например, слова *təzəcə, yaxşıca* (свежайший, лучший) не означают лексикализации; здесь проявляется только усиление смысла. Такое отношение мы видим в одной из публикаций [9, с.399]. Это согласуется с естественным развитием языка. Следующим этапом развития грамматического строя следует считать превращение служебной части речи в суффикс.

Морфосинтаксические свойства адата богаты. Каждый адат, помимо усиления смысла, играет

также значительную роль в смысло-структурном формировании предложения. Р. Гулиева, глубоко изучавшая адаты в азербайджанском языке, одну главу своей диссертации посвятила роли адатов на синтаксическом уровне [7, с. 16].

Известно, что некоторые обычаи имеют образную форму: *-sa, -sə, -mi, -mī, -tu, -tū, -sana, -səna. -mi⁴*, который относится к вопросительным адатам, обычно пишется рядом со словом, но, бывает, также пишется отдельно после союза. Конечно, раздельное написание в этой позиции не определяется грамматическими законами нашего языка, то есть раздельное написание этого адата не является грамматической особенностью, а связано лишь с техникой письма.

Однако, адат *-mi⁴*, помимо формирования вопросительного содержания, выполняет еще и функцию связки. Таким образом, этот адат присутствует как в простых, так и в сложных предложениях. В простом предложении эта морфема служит для усиления содержания вопроса. Например: *Mən də sizə bir sual verə bilərəmmi?* (Могу я задать вам один вопрос?) В придаточном сложносочиненном предложении этот адат присоединяется к сказуемому первого компонента, являющегося главным или придаточным предложением, и служит для их соединения в рамках сложноподчиненного содержания.

А.Абдуллаев показывает на основе конкретных источников, что в азербайджанском языке, как и в ряде мировых языков, функцию замыкания компонентов сложносочиненного предложения выполняют придаточные предложения с адатами, где активную роль играют адаты *-sa, -sə, -mi, -mī, -tu, -tū, da, də* [1, с. 116–117]. Нельзя согласиться с определением здесь морфемы *-sa, -sə* как адата, так как она является либо суффиксом условной формы глагола в разных моментах, то есть морфологическим признаком, либо суффиксная форма частицы. Среди других адатов необходимо упомянуть адат *belə* (так). Функция связи главного и придаточного предложений придаточного сложносочиненного предложения отражена и в диссертации А.Алиева [2, с. 23–24].

Существуют разные мнения о морфеме *-mi⁴* в азербайджанском языке. В книге «Грамматика азербайджанского языка», изданной Академией наук Азербайджанской ССР, вопросительная форма обсуждается среди общих морфем глагола. Интересно, что мнение об этой морфеме следующее: «все глагольные морфемы образуются с добавлением адата *mi* (*mi, tu, mü*) [3, с. 209] Эту мысль позже продолжил Б. Халилов [5, с. 249].

Комментируя этот вопрос, М. Гусейнзаде пишет, что «до недавнего времени одной из распространенных морфем в учебниках по грамматике была вопросительная морфема глагола. Эта морфема не просто глагольная, это форма выражения, принадлежащая всем частям речи. Однако, поскольку суффиксы, которые создают содержание вопроса, также могут использоваться с глаголами, онитакже использовались и в формировании глагольных форм. Вопросительная форма глагола *-mi* (*-mī, -tu, -mü*) является не суффиксом, а вопросительным адатом» [4, с. 177–178].

Использование адата *-mi⁴* в сложноподчиненном предложении наблюдается в двух ситуациях: в первом случае адат сочетается с сообщением предыдущего главного предложения, но в этом случае она не выполняет функции ссылки, а служит лишь для закрепления содержания вопроса в первом компоненте. Например: *Qonaqlar bilirmi, hansı sahənin briqadiri ilə görüşəcəklər?* (Знают ли гости, с каким полевым бригадиром они встретятся?).

Сложноподчиненное предложение может состоять только из главного или придаточного предложения, или из того и другого одновременно. Если придаточное предложение является вопросительным, а основное предложение носит информационный, т. е. повествовательный характер, то данную конструкцию нельзя рассматривать как вопросительное предложение в целом. Однако, когда основное предложение носит вопросительный характер, вся конструкция имеет содержание вопроса, и в конце их ставится вопросительный знак. В приведенном выше предложении мы наблюдаем ту же ситуацию; функция адата здесь состоит в том, чтобы усилить экспрессию вопроса. Можно к основному предложению этой конструкции добавить союз “*ki*”, чтобы истинной связкой служила не только интонация, но и уточнение “*ki*”: *Qonaqlar bilirmi ki, hansı sahənin briqadiri ilə görüşəcəklər?* (Знают ли гости, какого бригадира они встретят?). следовательно, вопросительный адат здесь не обладает объединительной функцией.

Придаточное предложение действует как союз, когда оно предшествует основному предложению и используется с адатом *-mi⁴*. Рассмотрим два примера: 1. *Pərşan evə bir balaca gec gəldimi, Səkinə ağır intizara düşürdü; İclasa gecikdinmi, vəzifədən əl çəkməlisən.* (Паршан немного опоздала, чтобы Сакина вернулась домой (М.Ибрагимов); Если вы опаздываете на встречу, вы должны уйти с должности). В первом предложении существует

хронологическая связь между главным и придаточным предложениями, вернее, действие в придаточном предложении обозначает время действия в главном предложении. Во второй конструкции основной содержания является условие; здесь придаточное предложение носит условный характер по отношению к основному предложению. Однако вопросительный адат играет непосредственную роль в формировании главного и придаточного предложений в обоих сложноподчиненных предложениях.

Следует отметить, что адаты “*belə*» и “*da*” также участвуют в формировании основного и придаточного предложений, причем в данном случае не только в качестве связки, но и участвуют в образовании определенного содержания между компонентами. Конструкции, в которых эти адаты также участвуют в формировании предложений, представляют собой сложные предложения со сравнительными придаточными предложениями. Например: *O məşum hadisədən iki il keçsə də, İmran hələ də o günü unuda bilmirdi; Biz razı olsaq belə, anamı razı salmaq çox çətin olacaq.* (Спустя два года после того зловещего события Имран все еще не мог забыть тот день; Даже если мы согласимся, будет очень трудно переубедить маму). Сравнение обоих предложений показывает, что это – сложное предложение с придаточным предложением. Если не будет адатов “*belə*» и “*da*”, конструкции не будут завершенными и логичными. Следовательно, эти адаты также выполняют связующую функцию.

Адаты имеют сложную структуру, а те из них, которые имеют двойственную природу, также обладают определенными характеристиками на морфосинтаксическом уровне. Среди этих обычаев следует особо отметить слова “*təkə, bircə, qoysana, gəlsənə*». Первые два являются ограничительными, а следующие два – обычными. Здесь важно отметить, что эти слова выполняют соответствующую узуальную функцию как в полном объеме, так и в виде отдельных компонентов. Рассмотрим примеры:

Bugünkü qələbə tək (təkə) bizim gücümüzün hesabına qazanılmamışdır; Allah bilir ki, bir (bircə) sən itirilmiş tibarı bərpa edə bilərsən; Gəlsənə (gəl) biz də onların dalınca gedək; Qoysana (qoy) işimizi görək, kənara çəkil. (Сегодняшняя победа достигнута не только нашими собственными силами. (М. Ибрагимов); Бог знает, что одному (только) тебе под силу восстановить утраченное доверие (Ю. В. Чаманзаминли); Давай пойдем за ними (Мир Джалал); Дай же нам сделать свое дело, уйди в сторону! (М. Ибрагимов)

Известно, что в современном азербайджанском языке есть как ограничивающие адаты “*bir; tək*”, так и “*bircə, təkə*»; они имеют по существу одинаковое грамматическое содержание, являются синонимами и в целом взаимозаменяемы. Отличие здесь лишь в том, что последние обладают закрепительной функцией, и в этом случае сама ограниченность сильная, т. е. у последних ограниченность сочетается с большей эмоциональностью.

Следует отметить, что слово “*bircə*» использовано в другом значении адата, вернее, как адат желания. Известно, что слово “*bircə*» нельзя использовать как адат пожелания. На наш взгляд, оттенок желания в слове “*bircə*» особенно связан с морфемой –сə, создающей содержание тонкости выражения. Тот факт, что слово “*bircə*» имеет разные функции в нашем языке, объясняется его способностью быть более абстрактным. Помимо того, что данное слово обозначает число, оно также используется в функции адата, артикля. М. Гусейнзаде представляет слово “*bir; bircə*» не только как ограничительный, но и укрепляющий адат и приводит следующий пример [4, с. 253]: “*Ay bədbəxtin qızı, bir məsləhət elə, bir soruş-soraqlaş, bir gör nədi, nə deyil.* (О бедняжка, хоть посоветуйся, поспрашивай, посмотри, что есть и чего нет, и т. д.), откуда можно видеть, что все они в той или иной степени имеют числовое содержание. Это можно наблюдать и в мечтательных адатах.

В последних двух примерах ситуация иная. Каждое из слов “*qoy, gəl, -sana, -sənə, qoysana, gəlsənə*» является повелительным адатом. Хотя они и являются синонимами выполняемой ими функции, создаваемые ими оттенки в одном и том же положении нельзя считать совершенно одинаковыми, а иногда они даже не могут заменить друг друга. Так, в словах “*qoy, gəl*” больше оттенков приказа, а в адатах “*qoysana, gəlsənə*» – оттенков совета и желания.

Следует отметить еще один вопрос, связанный с адатом. Как известно, одна и та же морфема иногда приводится в нескольких типах адатов. Слова “*ki, da, də, ha, bircə*» представлены как омонимы в разных видах адатов; Слово “*ki*” изучается и как укрепляющий элемент, и как вопрос, а слова “*da, də, ha*” и как подкрепление, и как повеление. На наш взгляд, такой подход к вопросу себя не оправдывает; так что адаты не имеют самостоятельного лексического значения, а их грамматическая особенность заключается в усилении существующих значений слова или предложения, к которому они принадлежат, в увеличении силы воздействия.

Адат “*ki*” не имеет особого значения, но усиливает смысл любого слова или предложения.

Это относится и к содержанию вопроса. Например, “*Burada qorxulu nə var ki?*» (Что здесь страшного?). Частица “*ki*” в предложении не имеет отличительного тона, а лишь усиливает его, поскольку есть оттенки вопроса. Следует отметить, что Ф. Зейналов показывает, что этот адат исторически происходит от союза, и объясняет причину следующим образом: «по нашему мнению, первая причина, по которой союз перешел в адат, заключалась в том, что вторая часть сложноподчиненного предложения не произносилась осознанно» [16, с. 211].

То же самое можно сказать и об адате “*ha*”; это слово также не имеет особого отличительного признака, поэтому оно может использоваться в разных словах или предложениях и только усиливает там интонационные возможности. Например: *Самаат наһақ уерә баһимиза and içmir ha; Apar; amma uzağa getmə, ha*. Люди не клянутся нашими головами без причины, вот (М. Ибрагимов); Возьми, да далеко не уходи, вот (А. Мамедханлы). В первом из этих двух примеров адат связан с формой изъяснения, а во втором – с формой повеления, и соответственно, утверждается, что в первом случае – это укрепляющий адат, а во втором – командный [4, с. 251, 261].

Следует отметить, что при классификации служебных частей речи следует учитывать их особенности. Известно, что наряду с другими видами значения существует «укрепляющий адат». Подкрепление было характерно для всех адатов, в этом случае нужно ли давать еще и отдельный подкрепляющий адат? Видимо, да, поскольку каждый из других адатов употребляется с определенными словами и предложениями, а подкрепляющие адаты не имеют особых условий для применения, их можно применять к любому слову или выражению. С этой точки зрения употребление адат “*ki*” в вопросительных предложениях и повелительного “*ha*” в повелительных предложениях не должно приводить к их выделению в качестве омонимичных адатов.

Примечателен также морфосинтаксис морфемы “*da, də*»; так, в зависимости от того, где используется это слово, оно представляется как связывающий, подкрепляющий и повелевающий адат. М. Гусейнзаде отмечает, что это слово употребляется двояко: как союз, соединяющий однородные члены предложения, и как подкрепляющий адат; он везде встречается в предложении и создает необходимый эмоциональный тон

[4, с. 237, 254]. Интересно, что позже автор приводит в качестве примера слова повелительные адаты и в данном случае показывает, что они употребляются в форме повелений [4, с. 261].

Нам кажется, что это слово, независимо от того, употребляется ли оно в повелительной форме вместе с глаголом, должно считаться закрепляющим адатом, потому что он представляет также почти все глагольные формы. Это имя также используется в составных именных сказуемых, чтобы усилить тот же эмоциональный оттенок. Нельзя согласиться с мнением А. Шукюрова об этом адате: «и то и другое, и адат... имели функцию связки, означающей сочинительную связь, и выступали связующим звеном» [11, с. 56]. Ф. Зейналов также отмечает, что этот адат также выполняет связующую функцию [16, с. 192].

В центре внимания также морфосинтаксическая особенность слова “*həttə*”. Здесь интересна роль этого слова в предложении как связки или укрепляющего адата, что можно выявить при их сопоставлении. Следует отметить, что объяснения и критерии выделения этих двух языковых единиц в отдельных лингвистических произведениях часто не совпадают. Необходимость определения точного положения этих слов часто упускается из виду [13, с. 98–113].

Мы сталкиваемся с употреблением слова “*həttə*” в двух разных местах предложения; в первом случае слово употребляется между равными словами или предложениями. В этом случае проявляется смысл присутствия или участия этих слов и предложений в одних и тех же временных рамках. Например: *Cavid, həttə dostu İlqar bu münasibəti gözləməirdilər; Artıq Abbas komissarlıqdan aralı düşmüş, həttə haqqında iş açılmışdı*. (Такого отношения Джавид, и даже его друг Ильгар не ожидали; Аббас уже отдалился от наркомата, против него даже было возбуждено дело) (Г. Аббасзаде). В первом из этих предложений соединены однородные подлежащие, а во втором – компоненты сложносочиненного предложения соединены союзом “*həttə*”.

Интересно, что если опустить второй компонент этих предложений, то есть первый из однородных членов, а также первый из компонентов сложносочиненного предложения, то слово “*həttə*” не будет выполнять функции связки, потому что нет компонентов для связывания: *Həttə dostu İlqar bu münasibəti gözləmir; Artıq həttə Abbas haqqında iş açılmışdı*. (Таких отношений не ожидал даже его друг Ильгар; На Аббаса даже завели дело). В этом можно убедиться,

подставив синоним к союзу “*hətta*”: *Dostu İlqar da bu münasibəti gözləmir; Artıq Abbas haqqında da iş açılmışdı*. (Его друг Ильгар тоже не ожидал такого отношения; Против Аббаса уже возбуждено дело). Однако следует также отметить, что последний вариант предположительно содержит второй компонент. С другой стороны, вариант с разъемом «да» не совсем совпадает с вариантом с «четным». Конечно, нельзя ожидать, что все адаты под одним заголовком полностью заменят друг друга. Иногда употребление обеих морфем в одном предложении для одного и того же члена или предложения указывает на то, что они также различны по оттенкам значений. Например: *Qəribədir, hətta beş min tūməni də verməyə hazırdir*. (Странно, он даже готов дать пять тысяч туманов) (Г. Аббасзаде). В этом предложении грамматико-семантическая нагрузка слова “*hətta*” и слова “*də*” и создаваемые ими оттенки неодинаковы.

В нашем языкознании есть представления о том, что время от времени адат становится соединительной частицей, и доказать это можно фактами. Однако при этом нельзя согласиться с некоторыми высказанными по этому поводу точками зрения. Так, К. Рамазанов приводит в связи с рассматриваемым вопросом следующий пример: *Biz yolçuyuq, bəs siz kimsiniz?* (Мы – путники, а вы кто?). Автор пишет об обязательной связующей функции адата вопрошать “*bəs*” в этом сложносочиненном предложении: «это не редкость, т. е. сам союз, в зависимости от информации, предоставляемой предложениями и более широким контекстом, может скрывать за собой тенденцию к уси-

лению адата. Но если подкрепляющая тенденция элемента вытекает из потребности более живо сопоставить содержание предложений, то объединяющая функция обеспечивает связность этих предложений по общей структуре» [10, с. 99].

Выводы. Слова, относящиеся к разным типам значений внутри самого адата, на самом деле связаны с разными функциями, выполняемыми одним и тем же адатом в разных синтаксических средах, и делить их на разные типы некорректно.

Следует отметить, что слово “*bəs*” служит для усиления вопросительного содержания конструкции как на уровне простого предложения, так и на уровне придаточного сложноподчиненного предложения. Однако в последнем сложноподчиненном предложении это слово несет и функцию создания связи между компонентами, его можно даже мыслить как связующее, формирующее содержание сравнения. Это показывает, что тот факт, что в нашем языке адат стала обязательной позицией, проявляется в нескольких формах, что можно считать вполне закономерным явлением.

Все это показывает, что в нашем языке, с одной стороны, это морфемы, усиливающие значение слов или предложений и усиливающие их воздействие, с другой стороны, это слова, в определенной степени воздействующие на значение, уточняющие и конкретизирующие смысл, и, наконец, как грамматическая единица – языковая единица с очень широкой грамматической функцией, когда формируются определенные связи между словами и предложениями.

Список литературы:

1. Abdullayev Ə. Müasir Azərbaycan dilində tabeli mürəkkəb cümlələr. Bakı: “Maarif”, 1974. 420 s.
2. Алиев А.А. Временные соотношения между главным и придаточным предложениями в современном азербайджанском языке (по придаточному предложению времени). Автореф. канд. дисс. Баку: 1975. 27 s.
3. Azərbaycan dilinin qrammatikası. I hissə. Morfologiya. Bakı: Azərb.SSR EA Nəşriyyatı, 1960. 334 s.
4. Hüseynzadə M. Müasir Azərbaycan dili. III hissə. Morfologiya. Bakı: “Şərq-Qərb”, 2007. 208 s.
5. Xəlilov B. Müasir Azərbaycan dilinin morfolojiyası. II hissə. (dərslik), Bakı: “Adiloğlu”, 2003. 354 s.
6. Kazımov Q. Müasir Azərbaycan dili. Morfolojiya. Bakı: “Elm və təhsil”, 2010. 400 s.
7. Кулиева Р.И. Частицы в современном азербайджанском языке. Автореф. Канд. Дисс. Баку: 1980. 23 с.
8. Курилович Е.Р. Заметки о значении слова // Вопросы языкознания, № 3, Москва, 1955. с.76-89
9. Müasir Azərbaycan dili. II cild, Morfolojiya. Bakı: “Elm”, 1980. 510 s.
10. Ramazanov K. Ədat–Oğuz qrupu türk dillərinin müqayisəli qrammatikası, II hissə. Morfolojiya. Bakı: “Elm”, 1986, s. 99-113.
11. Şükürov Ə. Azərbaycan dilinin tarixi qrammatikası. Bakı: APİ nəşri, 1981. 100 s.
12. Ə.C. Şükürov. Azərbaycan dilində köməkçi nitq hissələrinin əmələ gəlməsi və inkişafı tarixinin tədrisi // Dilçilik fənlərinin tədrisi metodikası. Bakı: ADPU nəşri. 1987, s. 99-107.
13. Təhməzov Z. Müasir Azərbaycan dilində köməkçi nitq hissələrinin təsnifi. Bakı: “AFPoliqrAF”, 2017. 152 s.
14. Виноградов В.В. Русский язык. Издание второе. М.: Изд-во «Высшая школа», 1972. 520 с.
15. Звегинцев В.А. Семасиология. М.: Изд. Московского Университета, 1957. 321 с.
16. Zeynalov F. Müasir türk dillərində köməkçi nitq hissələri. Bakı: “Maarif”, 1971. 312 s.

Aliyeva K. MORPHOSYNTAX OF PARTICLES

Particles are used both with individual words and with members of a sentence and perform different functions. First of all, they play an important role in clarifying the semantic load of the sentence. Evaluating adats, first of all, work with adjectives, forming the degree of syntactic reproduction. However, it is necessary to distinguish the same morpheme -ca, -cə, which forms a degree, from the one that forms an adverb. It is not possible to create a new adverb by adding this suffix to an adverb of manner, which is a lexical item. At the same time, the degree of the adverb itself is formed: yavaşca, ehmalca (slowly, carefully, etc.). Some works state that adat -mı4 creates an interrogative form of the verb, which cannot be substantiated, since there cannot be two forms of a certain feature in one word. On the other hand, this morpheme, which performs various syntactic functions, can be associated not only with the verb, but also with other parts of speech. Finally, this morpheme also serves as a means of connecting the components of a complex sentence. It should also be noted that the linking function of adats is very wide. In this regard, some linguists even say that some linking forms are generally conditioned by adat. In this line, the adats “da, də, belə” can be highlighted.

One of the main features of adats in a sentence is their synonymy, while they have different nuances. In particular, the role of complex adats “təkcə, bircə, qoysana, gəlsənə” in the sentence has not been fully revealed. Although there is a synonymous relationship between the adats tək and təkcə, bir and bircə, qoy and qoysana, gəl and gəlsənə, a sign of complete identity cannot be put between them; they form different shades depending on their location.

Key words: official parts of speech, morphosyntax, Azerbaijani language, particle (adat), features of the use of adat.